

Когда в первом веке нашей эры в Бактрии и в северо-западной Индии утвердились кушаны, буддисты обратились к изобразительному искусству как форме, имеющей не меньшую степень воздействия на мирян, чем слово. В этих целях буддисты использовали практику антропоморфного изображения Будды, уже существовавшую в буддийской традиции и сопоставимую с эллинистическим антропоморфизмом, на который опиралось династийное искусство кушан. Однако новые идеологические пристрастия и иконографические ориентиры укрепившейся кушанской династии стали причиной того, что опыт изображения Будды в виде «греческого» Зевса не получил в дальнейшем широкого распространения.

Естественно, процесс актуализации антропоморфизма в буддийском искусстве ограничивался не только этой внешней канвой, но включал и различные внутренние механизмы, которые способствовали формированию иконографии Будды в образе человека. Сюда можно отнести наличие особых знаков-отметин (лакшан) Будды, которые упомянуты уже в ранних буддийских текстах. Согласно источникам, это 32 «больших» и 80 «внешних» признаков.

Первоначально использовавшиеся для медитации лакшаны — по крайней мере, часть из них — вошли в изобразительный канон Будды. В их числе — особый знак на лбу между бровей (урна), выпуклость на голове (ушниша), отмеченные знаком колеса ладони и подошвы ног и другие внешние особенности. Интересно, что вместо упомянутых в перечне лакшан «длинных рук» в иконографию Будды были включены «длинные уши» (уши с оттянутыми мочками), которые в источниках описаны как «уши равной величины».